

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЕМИКА	19
ИЗРЕЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ	41
РАССКАЗЫ И АНЕКДОТЫ	77
ЧЕРЧИЛЛИЗМЫ	87
ЧУВСТВО СЛОВА	107
Люди	131
БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СОДРУЖЕСТВО	161
СТРАНЫ	171
ВОЙНА	195
ПОЛИТИКА И ПРАВИТЕЛЬСТВО	221
ОБРАЗОВАНИЕ, ИСКУССТВО И НАУКА	239
Личное	245
АФОРИЗМЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЧЕРЧИЛЛЮ	279

ВСТУПЛЕНИЕ

В этой книге под остроумием понимается способность вызывать улыбку или аплодисменты слушателей словесной меткостью, умением соединять слова и мысли непривычным, запоминающимся образом. Черчилль обладал этим талантом в наивысшей степени. Как заметил один из его преемников на посту премьер-министра лорд Хьюм, Черчилль ничего так не любил, как «застать собеседника врасплох неожиданным словом или фразой».

Привычка заставлять собеседника врасплох возникла у Черчилля отчасти благодаря присущей ему легкости в обращении с языком, а отчасти из-за любви поразмышлять о своем собственном жизненном опыте. Вместе с тем его остроумие никак не связано с чтением классиков. Дело в том, что в Харроу на уроках английского куда больше внимания уделялось грамматике и синтаксису,

чем литературным шедеврам. Эти лакуны в образовании молодой человек отчасти возместил тем, что создал, по определению его помощника Билла Дикина, «собственную школу или университет». Под университетом Дикин имел в виду список книг, которые Черчилль счел для себя необходимым прочесть и которые заказал, находясь в Индии. В дальнейшем то же самое произошло и с живописью. Профессиональные художники помогали ему и словом, и делом, однако в основном он обучался писать картины самостоятельно. «За всю свою жизнь я не взял ни одного урока», — не раз говорил Черчилль.

Стремление учиться, желание открывать для себя новые сферы интереса (его собственная фраза, сказанная, впрочем, по другому поводу) — одна из самых притягательных его черт. Интересы Черчилля распространялись даже на музыку. До восьмидесяти лет, а может, и позже он распевал гимны и песенки, которые слышал в молодости в мюзик-холле, и с увлечением слушал выступления военных оркестров. Когда же у него появилась возможность и желание слушать другую музыку, он от души полюбил Бетховена, Сибелиуса и Брамса.

Обладая великолепной памятью, он запоминал наизусть целые страницы из Гиббона или Маколея и в то же самое время пребывал в полном неведении обо всем том, что человек, получивший более солидное образование, обязан был бы знать. Многие великие романы остались им не прочитаны, многие крупные поэты не удостоились его

внимания. Ведь он, в конечном счете, человеком был необузданным, отличался бешеной энергией, с ранней молодости до глубокой старости не сидел без дела ни одного дня. Литературу, как и многие другие дисциплины, он знал неровно, что-то — глубоко, а что-то поверхностно. Но то, что знал, благодаря всё той же великолепной памяти, знал превосходно. Спустя две недели после обширного инсульта, который разбил его летом 1953 года, он уже читал наизусть своему лечащему врачу лорду Морану стихи Лонгфелло. На вопрос, когда он последний раз читал Лонгфелло, Черчилль ответил: «Лет пятьдесят назад».

«Вы должны знать, если внимательно читали Ватсона, что я обладаю бесконечным числом никому не нужных навыков и знаний, лишенных какой-нибудь научной системы, но совершенно необходимых для моей работы. Голова моя под стать складу, забитому невесть чем; в ней так много всего, что я имею самое отдаленное представление о том, что в ней содержится».

Эти слова принадлежат Шерлоку Холмсу. Черчилль же выразился куда более прозаически. «Я всегда могу, — сказал как-то он, — опустить в колодец ведро, и в нем обязательно окажется что-то нужное».

Его избирательная память по большей части «работала» безупречно. Кто мог бы дать более точную характеристику Невиллу Чемберлену, чем Черчилль, назвавший его в 1936 году «вьючной лошастью в наших великих свершениях»? Эту фразу из

Шекспира Черчилль процитировал в своей речи на званом обеде в Бирмингеме, когда Болдуин был еще премьер-министром, Чемберлен же, что не составляло секрета, взвалил на свои плечи все бремя государственных забот. Как выяснилось, однако, Чемберлен, в отличие от Черчилля, Шекспира знал превосходно и сразу же, к своему удовольствию и к немалому стыду оратора, обнаружил, что Черчилль, не удосужившись проверить цитату, ошибся в названии пьесы.

В контексте этой книги «юмор» воспринимается, как способность видеть в происходящем смешное, как фривольное обращение с серьезными вопросами, в первую же очередь, как умение разглядеть смешное в самом себе. Юмор менее изыскан и изящен, чем остроумие, и Уинстона Черчилля, скорее, можно было бы назвать остро словом, нежели юмористом.

Эта книга, которая позволяет читателю сопоставлять и сравнивать различные высказывания великого человека, не увидела бы света без процессов сканирования и хранения, процессов, которые необычайно заинтересовали бы самого Черчилля: его неиссякаемый интерес к науке, к практическому применению научных открытий охватывал самые различные области — от плавучих крепостей до собственных болезней.

Черчилль обладал чувством языка, которым могли бы похвастаться немногие политики. Соответственно, среди современных государственных деятелей нет ни одного, чьи бы высказывания

и сочинения сохранялись с таким тщанием. Составителю этого сборника пришлось обработать обширный материал. И даже с учетом того, что работа была проделана огромная, мы вынуждены с грустью признать, что многие изречения Черчилля до нас не дошли.

Леди Вайолет Бонэм Картер, побывав однажды у Черчилля, записала в своем дневнике: «Когда мы поднялись наверх, он разразился великолепной пространной тирадой, а потом сказал: “Запомните эти мои слова, так хорошо я уже больше не скажу”». Спустя много лет к этой фразе леди Картер приписала: «Увы, его тираду я забыла!»

Дэвид Дилкс

в прошлом — вице-канцлер университета в Гулле;
автор книги «Великий доминион: Уинстон Черчилль
в Канаде. 1900–1954».

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВЕРСИЯ «БОНЗАЙ» КНИГИ «ЧЕРЧИЛЬ
НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ»

О Боже, представляю себе рецензии в журналах и блогах: «Лэнгворт утверждает, что Черчилль считал русских “бабуинами”, а немцев “прожорливыми овцами”». Ничего подобного я не утверждал. На самом деле Черчилль восхищался отвагой русских и чистосердечностью немцев.

Давайте поэтому с самого начала договоримся: книга «Остроумие Черчилля» — это собрание лишь тех его лучших изречений, в которых он демонстрирует искусство *острословия*. Как сказал Дэвид Дилкс, это — «версия бонзай» моего же собрания высказываний Черчилля «Черчилль наедине с самим собой», собрания, к которому добавилось еще примерно 150 новых цитат, отличающихся остроумием и тонким юмором.

Опасность отбора остроумных высказываний Черчилля из пятнадцати миллионов опублико-

ванных им слов состоит в том, что в высказываниях такого рода может содержаться точка зрения, не всегда соответствующая его более взвешенным взглядам. Возьмем, к примеру, Польшу. Из многих тысяч слов, сказанных Черчиллем об этой стране, мы включили только одно высказывание о том, что «польского гуся» следует после Второй мировой войны «нашпиговать» отобранными у него территориями. Это высказывание противоречит тому искреннему восхищению, какое Черчилль всегда испытывал к польскому государству, к отважным полякам, сражавшимся на полях Второй мировой войны, к Сикорскому, своему близкому другу. В подобных случаях велико было искушение добавить такую, скажем, громкую цитату из Черчилля, как «Душа Польши несокрушима». Я, однако, справился с искушением; и в этом случае, и в других я строго придерживался своего основного принципа — только *остроумные* изречения.

Для читателей, которым одного острословия недостаточно, рекомендую сборник «Черчилль наедине с самим собой», в нем содержится более 4000 цитат, вошедших в 34 главы; здесь читатель найдет цитаты на все вкусы — от изречений всего лишь забавных до глубокомысленных.

Вошли в эту книгу не только высказывания самого Черчилля, но и слова о нем его коллег, биографов и друзей; они составляют базу данных, на которых строится сборник. В 1997 году Карл-Георг Шон, тогда еще студент

немецкого университета, прислал мне оптические сканы большинства опубликованных произведений Черчилля и несколько сот книг о нем. Дополнительную помощь в сканировании оказали мне президент корпорации «Зума» в калифорнийском Калвер-Сити Уэйн Brent, а также его талантливый ассистент, технический маг и волшебник Альфредо Альварес. Мой сын Ян, программист, перевел собранную мной базу данных в нужный формат, который дает мне возможность отыскать источник любого слова или фразы (в большинстве своем — из произведений самого Черчилля).

По существу, в этой книге нет ни одной цитаты, у которой не было бы фактически подтвержденного источника; если высказывание не имело фактического подтверждения, в сборник оно не включалось.

Цитаты, даты которых даются лишь в библиографических сносках, взяты из речей Черчилля в Палате общин. Под «официальной биографией» следует понимать официальную биографию Черчилля «Уинстон С. Черчилль», написанную Рэндолфом С. Черчиллем и сэром Мартином Гилбертом.

Даты, стоящие под цитатами, обозначают время, когда они были впервые произнесены. Иногда я указывал не только дату цитаты, но и дату ее появления в печати — особенно когда речь шла о мировых войнах. Место произнесения изречений — если это не Лондон, Чартвелл или

Даунинг-стрит, — как правило, приводится только в том случае, если удалось его установить. Цитаты из радиопередач также установлены, их источники приводятся.

По ложному следу

Каких только слов и мнений не найти в Интернете, этом электронном Уголке ораторов в Гайд-парке. Составители некоторых цитатников Черчилля наверняка черпали информацию из Интернета — вот почему подобного рода сборники содержат, как правило, много неточностей.

Огромное число изречений, которые Черчилль никогда не произносил или же заимствовал из других, более ранних источников, создают немалую путаницу. Цитата верна, если у нее надежный источник. Если же установить источник невозможно, она, скорее всего, ведет нас по ложному следу. Самые распространенные примеры таких «ложных следов» помещены в Приложении.

БЛАГОДАРНОСТИ

Профессор Дэвид Дилкс прислал мне весьма разумные замечания по книге «Черчилль наедине с самим собой»; замечания эти позволили мне исправить в книге немало неточностей и тем самым

избежать досадных ошибок в переизданиях. После этого я немедленно обратился к нему с просьбой просмотреть и эту книгу, и мистер Дилкс не только спас меня от меня самого, но и снабдил немалым числом новых остроумных высказываний, почерпнутых из его собственных книг о Черчилле. Кроме того, Дилкс написал вступление, в котором внятно изложил читателю, какую цель преследует составитель настоящей книги.

Моя огромная благодарность уже упоминавшимся Карлу-Георгу Шону, Уэйну Бренту, Альфреду Альваресу и Яну Лэнгворту, а также моей жене Барбаре, которая никогда не отказывала мне в помощи на всех этапах работы над этой книгой. Я благодарю Уинстона С. Черчилля за предоставление прав на публикацию изречений его деда, а также Гордона Уайза из «Кэртис Браун лимитед» за то, что он нашел для моей книги самые подходящие издательства: «Эбьюри пресс» и «Паблик Аффэрз». Сотрудники «Эбьюри пресс» Эндрю Гудфеллоу и Али Найтингейл, а также Клайв Приддл, Дэн Оззи и Ники Пападопулос из «Персей-букс» и «Паблик Аффэрз» также заслуживают благодарности, хотя благодарность эта и преждевременна: моя работа по большей части завершена, их же — только начинается.

Несколько сотрудников Центра Черчилля помогли мне придумать названия глав и разделов. Это Рэнди Барбер, Дэвид Болер, Пол Кортней, Лоренс Геллер, Крис Мэттьюз, Маркус Фрост,

генерал Колин Л.Пауэлл, посол Пол Х.Робинсон и Сюзанн Зигман. Ральф Киз, автор-составитель книги «Как проверять цитаты», помог мне овладеть искусством составления хорошего и по форме, и по содержанию сборника цитат. Фред Шапиро, составитель сборника цитат Йельского университета, также высказал разумные замечания и советы.

Благодарности за помощь, вдохновение и исследовательскую работу, продолжавшуюся не один год, заслуживают еще очень и очень многие. Вот далеко не полный перечень этих людей: профессор Пол Аддисон, Уильям Ф.Бакли младший, сенатор Гарри Ф. Бэрд младший, профессор Антуан Капе, Минни Черчилль, Перегрин Черчилль, Уинстон Черчилль, член Парламента Кларк Клиффорд, Роналд И.Коэн, сэр Джон Колвилл, Майкл Доббс, сэр Мартин Гилберт, Роналд Голдинг, Грейс Хэмблин, Glenn Горовиц, профессор Уоррен Кимболл, Джеймс Ланкастер, сэр Фицрой Маклин, профессор Джеймс В.Мюллер, Эдмунд Мюррей, Элизабет Нел, Оскар Нимон, член Парламента Селия Сэндиз, Крисчен Пол-Роджер, профессор Дэвид Рейнолдс, Эндрю Робертс, Артур М.Шлезингер младший, лорд Сомс, профессор Дэвид Стаффорд, Хаакон Уодж и Марк Вебер. Ну, и, конечно же, моя особая благодарность сэру Уинстону Леонарду Спенсеру Черчиллю, кавалеру ордена Подвязки, ордена «За заслуги», члену Тайного Совета. Где бы мы все были без него?

Предисловие

Мне бы очень хотелось установить связь с теми моими читателями, которые готовы прокомментировать прочитанное, внести свои коррективы, похвалить меня или раскритиковать, с каковой целью я направляю этих читателей в отдел рецензий моего вэбсайта <http://richardlangworth.com>, где все замечания и соображения будут помещены.

Ричард М.Лэнгворт

«Хай-Тайд»

Эльютера

Багамские острова

14 марта 2009 года

dw-rml@sneakemail.com

ПОЛЕМИКА

Черчилль завоевал репутацию человека, умеющего одним метким словом «отбрить» оппонента, поставить его в тупик. У Энтони Идена был хорошо подвешен язык, он легко говорил экспромтом — вот почему Черчилль большей частью открывал дискуссию заранее подготовленной речью, Иден же ее эффектно завершал. Друг Черчилля Ф.Е.Смит (лорд Беркенхед) владел искусством язвительного замечания, которое часто приписывалось Черчиллю; самому же Черчиллю не было равных в меткой и молниеносной реплике.

Как и у Граучо Маркса, у Черчилля были свои спарринг-партнеры; особенно во время, отведенное в Палате общин под «Вопросы», которые Черчилль очень любил и к которым тщательно готовился. Такими спарринг-партнерами были члены Парламента от лейбористской партии

Эммануэл Шинвелл и Эмрис Хьюз; и тот, и другой в пятидесятые годы испытывали к Черчиллю теплые чувства, и Черчилль отвечал им взаимностью. Кого Черчилль не щадил, так это Эньюриня Бивена, самого своего серьезного противника из стана лейбористов, а также недальновидных консерваторов, в особенности суетливого и бестолкового сэра Уолдрона Смизерса.

Бывало, Черчилль терпеливо «отсиживался в осаде» и наносил молниеносный и коварный словесный удар, который исподволь готовил и до времени хранил в своей фотографической памяти. Вместе с тем, он далеко не всегда имел возможность отрепетировать свой ответ, и некоторые его экспромты во время «Вопросов» являлись украшением этого давнего парламентского обычая.